

Этот вопрос задержался в сердце Ци Гу лишь на несколько секунд, а потом мягко, словно шёлк, соскользнул прочь. Куда больше его интересовало другое: Линь Ханьчжи любит объятия.

Q-версия Линь Ханьчжи в голове словно прекрасно поняла слабое место Ци Гу. Протянула к нему круглые короткие ручки и посмотрела жалобным милым лицом. Совершенно запрещённый приём.

Ци Гу почувствовал: если продолжит смотреть, скоро начнёт по очереди обнимать всех этих маленьких Линь Ханьчжи. Поэтому поспешно попытался эффектным движением вскочить с кровати... и с треском провалился. Застыл на две секунды, а потом честно и медленно сел, умылся и пошёл в столовую.

До этого дворецкий Аноним как раз направлялся туда. Наверное, увидел, что Ци Гу проснулся, и пошёл готовить завтрак.

Половину залитой солнцем столовой занимал свет. На деревянном столе стоял букет махровых сине-фиолетовых гортензий, нежно-зелёные стебли глубоко уходили в прозрачную вазу, где время от времени поднимались маленькие пузырьки.

Линь Ханьчжи стоял у стола, чуть наклонившись, и ставил на него белую фарфоровую тарелку. В этот момент в нём неожиданно появилось что-то от домашнего мужа.

— Проснулся? — спросил Линь Ханьчжи.

Вспоминая вчерашний вечер, он всё ещё чувствовал лёгкую вину. Особенно когда взгляд случайно падал на губы Ци Гу: приходилось силой заставлять себя сразу смотреть в сторону.

К счастью, стоило Ци Гу увидеть еду, как всё остальное уходило на второй план. Поэтому маленькой виноватости Линь Ханьчжи он не заметил.

На столе стояли две порции завтрака: золотисто поджаренный бекон, яйца и всё остальное — типичный западный набор.

Взгляд Ци Гу остановился на другой тарелке, где лежало нечто совершенно не вписывающееся в общую картину — чёрная яичница.

— Это что?

Неужели дворецкий Аноним, рассказавший ему имя, потом всё обдумал, разозлился от стыда и решил его отравить?

Линь Ханьчжи мгновенно свалил вину на другого:

— Ничего. Дворецкий случайно сжёг. Ты ешь нормальную порцию, а сгоревшую я съем.

Только что Линь Ханьчжи зашёл на кухню, увидел, как дворецкий готовит завтрак, и внезапно решил сам сделать для Ци Гу красивое яйцо в форме сердечка. Кто же знал, что он совершенно не чувствует огонь: золотистая глазунья моментально превратилась в чёрную.

Линь Ханьчжи не сдался. Неужели даже такую мелочь не способен сделать? Он старался ещё сильнее — и получалось ещё хуже. В результате все три последних яйца в холодильнике превратились в угольки.

Делать было нечего. Из трёх он выбрал самое приличное — наполовину чёрное, наполовину жёлтое — положил в тарелку и решил съесть сам.

Может, только выглядит страшно, а на вкус нормальное. Всё-таки лично приготовил яйцо. Не может же оно быть настолько ужасным.

Ци Гу посмотрел на дворецкого Анонима, который стоял рядом с видом человека, вообще ни к чему не причастного, и сказал Линь Ханьчжи:

— Может, лучше я?

Это яйцо выглядело так, будто после него можно получить отравление.

Линь Ханьчжи и без того слаб здоровьем. Разве выдержит такое?

А выбрасывать яйцо Ци Гу вообще не собирался. Он всегда бережно относился к еде.

Персиковые глаза Линь Ханьчжи загорелись:

— Ты правда хочешь съесть моё... это яйцо?

— Выглядит не очень, но, наверное, съедобное.

— Ты действительно так думаешь? — глаза Линь Ханьчжи засияли звёздами.

По этой реакции Ци Гу уже почти всё понял. Ему захотелось поддержать Линь Ханьчжи, который неизвестно почему решил пожарить яйцо и, скорее всего, впервые в жизни сам готовил:

— Угу.

Линь Ханьчжи ужасно хотел, чтобы Ци Гу попробовал его еду, но сам прекрасно понимал, что вкус у этой штуки, скорее всего, оскорбительный. Поэтому нервно предупредил:

— Тогда попробуй. Если невкусно — сразу выплюнь.

— Перед тем как я его съем, надо проверить ещё одну вещь.

Ци Гу быстро пошёл прямо к Линь Ханьчжи.

Тот замер от неожиданности, глядя, как Ци Гу приближается. Уже хотел спросить, что нужно проверить, когда опущенная рука вместе с талией внезапно оказались в кольце объятия Ци Гу.

Температура тела Ци Гу в один миг соприкоснулась с холодом Линь Ханьчжи, будто два тела слились вместе.

Дыхание Линь Ханьчжи чуть участилось. Оно касалось шеи Ци Гу и щеkotно пробежало по коже.

Зрачки Линь Ханьчжи сузились от удивления, а в голове пронеслось: почему Ци Гу вдруг меня обнял?

Потому что любит?

Или что-то случилось?

Неужели он решил, что после этого яйца отравится, и сейчас прощается со мной в последний раз?

Одна мысль сменяла другую. Линь Ханьчжи чувствовал себя человеком, заключённым в пузырь пены: плаваешь в воздухе и никак не можешь найти точку опоры.

Он уже собирался что-нибудь сказать, когда Ци Гу тихо спросил:

— Тебе нравится? Это объятие.

Линь Ханьчжи не мог придумать ни одной причины, почему ему должно не понравиться.

— Нравится. Но почему ты вдруг меня обнял?

Ци Гу ведь тоже не был человеком, который постоянно виснет на друзьях и любит липкие

телесные контакты.

— Ничего, — голос Ци Гу снова стал привычно холодным. — Просто подумал, что ты сейчас выглядишь так, будто тебя приятно обнимать.

Даже чуть милее тех маленьких Линь Ханьчжи, которые галдели у него в голове.

Хорошо, что нравится. Значит, дворецкий Аноним сказал правду: Линь Ханьчжи любит объятия.

А сам Линь Ханьчжи после этой фразы совсем поплыл. Ему казалось, что рядом стоит не стакан молока, а крепкий алкоголь. Иначе почему ранним утром ему снится настолько прекрасный сон?

Ци Гу сказал, что его приятно обнимать!

Пока Линь Ханьчжи пребывал в счастливом тумане, Ци Гу подцепил вилкой чёрную яичницу, понюхал и откусил маленький кусочек.

Краешек был хрустящим и поджаренным, немного напоминал жареное яйцо из луосыфэня. Неожданной горечи вроде не было.

— На вкус нормально, — сказал Ци Гу, посмотрев на Линь Ханьчжи. — Ты сделал?

— ...Угу.

— Спасибо за яйцо.

Ци Гу без всякой настороженности продолжил есть — и внезапно откусил полностью обугленный кусок. Вкус оказался таким горьким, словно мочалка, которой горькая тыква мылась много лет и ни разу не меняла.

Зрачки Ци Гу задрожали. Он резко вскочил и принялся искать мусорное ведро.

Линь Ханьчжи, оказывается, способен приготовить обычное яйцо с такой убийственной мощностью! Может, в следующий раз при ловле призраков попросить его нажарить десяток и носить с собой? Встретится злой дух, который любит разевать пасть, — просто закинуть туда яйцо и подарить ему незабываемые ощущения.

Думать Ци Гу мог что угодно. Но перед встревоженным Линь Ханьчжи, который уже держал мусорное ведро, после того как выплюнул и прополоскал рот, всё равно сказал:

— Всё нормально. Не невкусно. Просто я не привык к такому вкусу.

Дворецкий Аноним рядом: «...»

При всём уважении к Линь Ханьчжи он обязан сказать честно: его яичница хуже собачьего дерьма!

А Ци Гу способен с открытыми глазами нести такую ложь и говорить подобные слова об этом дьявольском яйце. Значит, Линь Ханьчжи совершенно точно есть у него в сердце!

Если нет, то он... он сейчас сам доест оставшуюся половину!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949155>